Висковатый принимал теорию «Москва — третий Рим», судя по тому, что в его записке в споре об иконах находим, например, такую фразу: «...зрим око православия, соборную церковь Богородичную Московскую»; это заявление полностью совпадает с его общим представлением о том, каким должно быть религиозное искусство православного Российского царства.[107] Политическое мировоззрение Ивана Михайловича с полной ясностью выразилось во фразе о престоле и жертвеннике Благовещенского собора, где был священником Сильвестр, руководивший после пожара Москвы в 1547 г. восстановительными работами в кремлевских церквах: «...и о том велми ужасаюся, яко меншая з болшим уровняют, и было б в равенство, на одно бы все съвръшилос».[108] Внимательный взгляд Висковатого, по-видимому страстного любителя и знатока иконного искусства, подметил ряд новшеств в композициях икон, приготовляемых новгородскими и псковскими мастерами «у Благовещенья» под руководством «некоего священника», а также и в аллегорической росписи в Золотой палате царского дворца. Умный и осторожный в дипломатических делах дьяк, по-видимому заподозривший Сильвестра в сознательном отступлении от канонов православного церковного искусства, начал в 1550 г. «вопить на народе» против этих нововведений,[109] т. е. начал критиковать «мудрования» или латинские подробности в новых иконных композициях, созданных псковичами под руководством новгородца Сильвестра.[110] Можно думать, что эта критика делалась время от времени («три года») при осмотре новых произведений иконописи, но Висковатый еще не систематизировал своих «сомнений» об этих иконописных работах, действительно вносивших ряд новых черт в искусство «стольного града», как отмечает анализ искусствоведов и историков культуры.[111]

Но недаром Висковатый слыл умнейшим дипломатом.[112] Он переменил свою тактику именно после царской болезни 1553 г. 25 октября 1553 г. Висковатый заявил в присутствии царя о своих сомнениях митрополиту Макарию.[113] Последний сразу же ответил дьяку с большой резкостью и прямой угрозой: «Стал еси на еретики, и ныне говоришь-де и мудрьствуешь о святых иконах не гораздо. То мудрование и ересь галат-

зовался Висковатый одним из переводов греческого синодика, сделанным в XIV в «Синодик на неделю православия» издан и комментирован Ф. И. Успенским (Записки имп. Новороссийского университета, т. 59 Одесса, 1893).

[107] Н. Е. Андреев. О деле дьяка Висковатого, стр. 191—242.

[108] Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 — ЧОИДР, кн. II. М., 1858 (далее: Розыск..), стр. 8.

[109] Деталь 1550 г. выясняется из текста епитемии, наложенной на Висковатого (Розыск..., стр. 38).

[110] Розыск..., стр. 20.

[111] Л. А. Мацулевич. Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском. — Ежегодник Российского института истории искусств, т. 1, вып. II СПб, М., 1922, стр. 266; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 288—290, Н. Е. Мнева. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 580—582. См. также: J. Myslivec. Liturgické hymny jako náměty ruských icon — Byzantinoslavica, t. III, № 2. Praha, (1931) 1932, стр. 496 и сл.; П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. II, ч. 2 (Юбилейное издание). Париж, 1931, стр. 499—501; N. Andreyev. Aus der Geschichte der russischen Ikonenmalerei. — Blick in die Wissenschaft, t. 7. Berlin, 1948, стр. 323—330; Н. Е. Андреев. Иоанн Грозный и иконопись XVI века. — Annales de l Institut Kondakov, t. X. Prague, 1938, стр. 185—200 (Mélanges A. A. Vasiliev).

[112] Отзыв ливонского хрониста Балтазара Рюссова в Ливонской хронике 1584 года. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т III. Рига, 1886, стр. 186. Ср.: Р. Ю Виппер. Иван Грозный. М., 1922, стр. 46, 75.

[113] Розыск..., стр. 2. См. также: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 174.